

Анотація

В усі часи поети, письменники, співаки й композитори втілювали образ моря у своїх творах. Причина цього – мимовільне виникнення у людини піднесених почуттів при виді прекрасного пейзажу. Пісня ж є формою мистецтва, у якій максимально проявляються емоції людей. Хвилююча водна стихія надихає людину. Образи моря та музики схожі. Багато визначних творів китайського пісенного мистецтва присвячені цій темі.

Ключові слова: вокал, поезія, образ, море, китайська пісня.

Summary

The poets, writers, singers and composers in all the centuries embodied the image of the sea in their works. The reason of this is the involuntary appearance of elevated feelings in a person when seeing a wonderful landscape. The song is the form of art in which people's emotions are revealed in maximum. The exciting water element inspires a person. The images of the sea and music are similar. Many great compositions of the Chinese song art are dedicated to the given theme.

Keywords: vocal, poetry, image, sea, Chinese song.

УДК 821.161.1–141.09(091)

Кондрашева А.В.,

кандидат психологических наук,
Астраханский государственный университет

ОБРАЗ КОРАБЛЯ И МОТИВ МОРСКОГО ПЛАВАНИЯ В ИТАЛЬЯНСКИХ ЦИКЛАХ МИХАИЛА КУЗМИНА “СТИХИ ОБ ИТАЛИИ” И “ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ”

Один из самых загадочных поэтов серебряного века Михаил Алексеевич Кузмин родился в Ярославле 6 октября 1872 года. При жизни Кузмин часто мистифицировал свое прошлое, например, прибавляя к дате своего рождения то два, то три года. Отец его, Алексей Алексеевич, был морским офицером. Мать, Надежда Дмитриевна, была дочерью не богатого помещика Ярославской губернии. Бабка Кузмина по материнской линии была внучкой известного в XVIII века французского актера Жана Оффреля, что в какой-то момент повлияло на возникновение интереса Кузмина к французской культуре. Вообще западноевропейская культура с раннего детства стала его второй духовной родиной: Шекспир, Мольер, Сервантес, Россини, Шуберт формировали личность будущего поэта и музыканта, притом, что родителей Кузмина были старообрядцами, и сам он с детства воспитывался в старозаветных традициях бытовой религиозности.

Начинал учиться Кузмин в Саратове, куда был увезен родителями в возрасте полутора лет, в той же гимназии, в которой в свое время учился Чернышевский. Однако уже осенью 1884 года семья переехала в Петербург.

Еще в гимназические года Кузмин близко сошелся с Г.В. Чичериным, впоследствии известным государственным деятелем советской России, который стал его близким другом вплоть до начала 1990-х годов и оказал на Кузмина огромное влияние. Именно Чичерин ввел в круг интересов Кузмина итальянскую культуру, способствовал Ому, чтобы Кузмин выучил итальянский язык.

В 1897 году Кузмин предпринял поездку в Италию. В Италии изучал церковную музыку, историю иезуитов и гностиков. Эта, сравнительно недолгая, поездка нашла затем свое отражение во многих его произведениях: непосредственным образом в романах “Крылья”, “Нежный Иосиф”, “Приключения Эмме Лебефа”, а также Важнейшей духовной и эмоциональный опыт этой поездки отразился в поэзии, став, как отмечают исследователи, “<...> прообразом сквозной темы его творчества – путешествия как духовного пути<...>” [3].

Вместе с тем необходимо заметить, что отдельный цикл “Стихи об Италии”, написанный в 1919–1920-х годах, появляется лишь в 1921 году в сборнике “Нездешние вечера” (почти в это же время “Стихи об Италии” были выпущены в виде рукописной книжки в пяти экземплярах). В 1923 году в составе сборника “Параболы” публикуется еще один “итальянский” цикл – “Путешествие по Италии”.

Цикл “Стихи об Италии” включает одиннадцать стихотворений: “Пять”, “Озеро Неми”, “Сны”, “Св. Марко”, “Тразименские тростники”, “Венеция”, “Эней”, “Амур” и “Невинность”. В первом стихотворении цикла – “Пять” – получают начальное развитие все его смысловые комплексы. Так, на первый взгляд загадочное по смыслу, своей чувственной образностью стихотворение “Пять” воспроизводит ситуацию прибытия морским путем, в Остию, пятерых людей ночью. Пять человек, включая кормщика, приближаются к порту Рима:

*Кто запекшимся устам из криницы даст напиток?
Налей мне масла из лампад!
Какой молочный сладкий плен!
О мед несбывшихся услад!* [2].

Это примеры из стихотворения “Пять” вкусовых аспектов образности. Оказывается, однако, по интерпретации этого стихотворения, что в нем речь идет о странниках из первых христиан, и вся вкусовая образность относится к символике раннего христианства. Так, например, “масло” это Благодать Господня; “мед” это Христос; “молоко” и “мед” это рай. Так же корабль надо понимать как церковь, то есть христианский символ, а число “пять” почти наверняка “пять ран Христовых” [4].

Каждый следующий текст через разворачивающуюся систему инвариантных образов и мотивов, постепенно трансформирующихся и усложняющихся, сопрягается с первым.

Что касается ключевого, по мнению С.Л. Константиновой, как для первого стихотворения, так и для всего цикла в целом, мотива путешествия, то следует уточнить, что здесь речь идет прежде всего о “морском путешествии”, плавании, которое, начавшись в первом стихотворении:

*Веслом по-прежнему причаль!
Не в Остии ли фонари?* [2].

Заканчивается в последнем – “Италия”:

*Ладья безвольная пристала
К Костру неопалимых слав* [2].

Таким образом, внутри цикла намечается своеобразное движение к некоей пристани, озаренной светом. При этом заметим, что семантические истоки кузминского образа корабля, плывущего к берегу, с которым связано спасение, очень многоплановы. Здесь это и многочисленные сюжеты античной и христианской мифологии, древнеримской истории и мистические сюжеты, закрепленные в традиции старообрядцев, вполне очевидно, знакомые Кузмину. Что касается содержательности этих, старообрядческих сюжетов, то здесь можно сослаться на работу В.Н. Торопова, который, указывая на многократность появления этого мотива в их песнях и приводя несколько примеров из книги “Песни русских сектантов-мистиков”, сборника, вышедшего в Санкт-Петербурге в 1912 году, пишет: “Как ни страшно это плавание (часто в бурю, среди чудовищ, готовых поглотить корабельщиков), оно должно окончиться успешно, потому что на корабле Бог, Иисус и Христос, иногда Иоанн Предтеча, божьи люди. Достижение берега – спасение, жизнь; в противном случае – гибель, смерть. Сам образ корабля нередко обнаруживает связь с хлыстовским кораблем (переход между тем и другими кораблями иногда почти незаметен или плывущий по морю корабль не что иное, как образ хлыстовского корабля, его аллегория)” [5]. Заметим, что образ корабля как обозначение хлыстовской общины встречается, например, в стихотворении Кузмина 1916 года “Хлыстовская”, входящем в четвертый цикл книги стихов “Вожатый”.

Интересно, что в “Стихах об Италии” все эти смыслы, намеченные лишь имплицитно, сосуществуют одновременно, особым образом переплетаясь и напластовываясь, друг на друга.

Стихотворение, открывающее цикл, явно актуализирует его христианский концепт. Появление в тексте христианских аллюзий: мотивов Благовещения, Распятия, образов жаждущего напиться Христа, а также восклицание “Пять!” в последней строке, являющиеся намеком на пять ран распятого Христа, – все это влечет за собой ассоциации с кораблем и плаванием в их христианском изводе. Это и образ самой Церкви Христовой и плавание по морю жизни, и образ апостольской ладьи, застигнутой бурей на озере Геннисаретском. Эти ассоциации подкрепляются и дальнейшим появлением в текстах цикла иногда прямой, иногда завуалированной христианской образности: упоминание имени Петра в стихотворении “Озеро Неми” (“*твой петел, Петр, еще не стих!*”) – известно, что братья Петр и Андрей были рыбаками “*закидывающими сети в море*” святого Марка с обращением к нему: “*пошли рыб!*” (кроме того, что св. Марк – покровитель Венеции, считается также покровителем рыбаков, рыба также знакова в данном контексте, отсылая к образу Христа, а также евангельскому эпизоду “*чудесный улов*”) [1].

<i>Морское марево,</i>	<i>Святой Марко,</i>
<i>Золотое зарево,</i>	<i>Святой Марко,</i>
<i>Крась жарко</i>	<i>Пошли рыб!</i>
<i>Узор гльб!</i>	

[2].

С другой стороны, образ плывущего корабля вызывает ассоциации и с кораблем аргонавтов, что особенно явно акцентировано в последнем стихотворении цикла:

*Твой рокот заревой, сирена,
В янтарной роце Гесперид
Вновь мореходам говорит:*

“Забудьте, други, козность тлена.

*Вдали от плена
Лепечет пена
И золото богов горит”*

[2].

Появление в тексте стихотворения “аргонавтического” смыслового комплекса неизбежно вызывает актуализацию целого ряда мотивов: это и мотив победы логоса над “хаосом”, лежащий в основе мифа о спасении аргонавтов Орфеем, заглушившим пение сирен своей песней, – мотив, параллель к которому мы находим и в уже отмеченном нами эпизоде Евангелия, где Христос, “встав, запретил ветру и морю, и сделалась великая тишина” [1], и мотив драконоборчества, связываемый с именем предводителя аргонавтов Ясона, засеявшего поле зубами дракона и перебившего выросших из них воинов.

При это корабли не случайно названы в первом стихотворении “обреченными” триремами (трирема – древнеримский военный корабль), приближающимися к Остии, древнейшей торговой гавани и военному порту Рима. Так возникает один из ключевых образов цикла – образ воинства на пути к “костру неопалимых слав”. Заметим, что в стихотворении “Озеро Неми”, втором стихотворении цикла, “плывут гадательные славы / В пленительных полях твоих” [2].

Отдельное стихотворение Кузмин посвящает Энею – герою-мореплавателю, отправившегося после гибели Трои в сопровождении спутников на двадцати кораблях на поиски новой родины. Доминантой стихотворения является образ “культурного героя”, борца “<...> с хтоническими силами природы, представляющими начало хаоса и мешающими упорядоченному мироустройству” [1].

Не случайно в основе кузминской трактовки легенды об основании Энеем Рима лежат противопоставление “свободы” (“свобода-зверь”) и “ограды” (порядка, основанного “на крови” – “Всегда ограда – кровь ...”), а сам Эней – “Ты – властелин, так запасись уздою ...” – предстает как укротитель зверя [1].

Наконец, скрытый мотив морского плавания в связи с мотивом чудесного спасения может быть обнаружен в последнем стихотворении цикла “Италия” через акцентированный поэтом образ Ариона:

*Ежеминутно умирая,
Увижу ль, беглый Арион,*

*Твой важный и воздушный сон,
Италия, о мать вторая? [2].*

При этом следует сказать, что в данном контексте это имя может быть прочитано двояко. С одной стороны, Арион – древнегреческий поэт и музыкант, который, по преданию, был спасен от гибели дельфином, очарованным его чудесным пением (мотив, имплицитно намеченный в уже названном “аргонавтическом комплексе”). В таком значении это имя появляется еще в пушкинском “Арионе”, где сюжетообразующим является именно мотив морского плавания:

*Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине*

*На руль склоняясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел ... [2].*

С другой стороны, в греческой мифологии известно имя Ориона – великана-охотника, наделенного Посейдоном способностью ходить по морю. Потеряв зрение, Орион посадил к себе на плечи одного из учеников Гефеста и приказал тому подсказывать ему путь к восходу солнца. Придя туда, он подставил глаза лучам восходящего солнца и прозрел (заметим при этом, что своеобразное движение, смена световых образов – от луны к солнцу – происходит на протяжении всего рассматриваемого нами цикла).

В результате, исследование структуры и функции образа корабля и мотива морского плавания в “Стихах об Италии” показывает, что мифологические сюжеты цикла обретают значимость в качестве определенным образом маркированных элементов художественной знаковой системы, а не только в качестве элементов декоративного плана. Переплетение в текстах цикла, казалось бы, культурно разноплановых и разноконфессиональных наименований и образности. Как видим, имеет общую, все их объединяющую основу, некий единый “сюжет” [1].

Вся история, как библейская, так и античная, трактуется Кузминым как пророчество о Христе, его свидетельство, в соответствии с чем Италия – как пространство, совмещающее в себе идеалы классической античности и христианства – становится целью не просто путешествия, но паломничества, местом, где произойдет физическое, телесно осязаемое соприкосновение с Божественным Ликом. Не случайно последние строки замыкающего цикл стихотворения “Италия” демонстрируют своеобразное совмещение абстрактного христианского символа и осязаемой реалии:

<i>Сомнамбулически застыли</i>	<i>И вдруг: не ты ли?</i>
<i>Полуоткрытые глаза ...</i>	<i>В лазурной пыли –</i>
<i>– Гудит подзменная гроза,</i>	<i>Отяжеленная поза</i>
<i>И крылья сердца глухо взвыли, –</i>	[2].

При этом, по Кузмину, путь (представленный виде варьирующегося мотива морского плавания) к духовному спасению, прозрению, к своеобразному воскресению, возможному лишь через единение “обреченного” христолобивого воинства, предполагает и готовность самих паломников к жертве, к распятию и горению – своеобразный инвариант мифа об “умирающем и воскресающем божестве”. Именно Италия (римский мир) становится у Кузмина местом нового рождения, рождения через мученическую смерть за веру (или рождение, равное смерти в ее христианском толковании):

<i>Мою любовь, мои томленья</i>	<i>В пучине должен утопать, –</i>
<i>В тебе мне легче вспоминать,</i>	<i>Пусть глубже, глуше что ни день я</i>
<i>К тебе, о золотая мать,</i>	<i>Прильну в минуту воскресенья! [2].</i>

Если говорить о стихах цикла “Путешествие по Италии”, посвященных близкому другу М. Кузмина, с которым лирический субъект рад бы повторить свое путешествие по Италии, ни включают больше автобиографических моментов. Все датировки стихотворений цикла, относятся к датам апреля (1921, 1922 годов), а именно апрель был месяц, который, в 1887 году, М. Кузмин провел в Риме.

Внутренний сюжет поэтического цикла М. Кузмина “Путешествие по Италии” задан уже самим заглавием. С одной стороны. Создается иллюзия реального

путешествия, поддерживаемая, во-первых, пространственными изменениями: открывается цикл стихотворением “приглашение”, затем следуют “Утро во Флоренции”, странствие на родину Вергилия в Мантую “Родина Вергилия”, “Поездка в Ассизи”, “Колизей”, прогулка по венецианским каналам “Венецианская луна”, завершает цикл стихотворение “Катакомбы”. Во-вторых, упоминанием Бедэкера, туристического путеводителя по различным странам и городам, настраивающего читателя текста в качестве своеобразного отчета о пройденном туристическом маршруте:

*В Бедэкере ясно советы прочтете:
Всякий собравшийся в путь,
С тяжелой поклажей оставь все заботы,
Леность и грусть забудь [2].*

Что касается замысла поэтического цикла М. Кузмина, то, по мнению С.Л. Константиновой, он обращен, в большей степени, к общественному сознанию. Образ “белых ланей” также вызывает библейскую аллюзию, позволяющую закрепиться и расширяться смысловому пространству рассматриваемого образа в интимном, “потаенном” аспекте. И опять следует отметить, что морской мотив и образ воды в целом, сопровождает библейскую историю о спасении души человека.

*Тоскуют к летейскому озеру белые лани,
Покинута, плачет на отмели дальней сирена [2].*

Образ ветхозаветного пророка Ионы, помнящего “китовые недра”, – один из ключевых как в образном ряду данного стихотворения, так и в системе всего кузминского цикла. Иона – ветхозаветный пророк, с именем которого связан не только сюжет морского плавания, но и сюжет трехдневного пребывания в чреве кита, которое новозаветная традиция уподобляет предсказанию смерти и последующему воскресению на третий день Иисуса Христа. В этом смысле и Иона и Орфей выступают в качестве его символического воплощения.

*Младенчески тени заслушались пенья Орфея.
Иона под ивой все помнит китовые недра.
Но на плечи пастырь овцу возлагает, жалея,
И благостен круглый закат за верхушкою кедр [2].*

Что же касается мотива морского плавания, связанного с образом Ионы, то он позволяет “воскресить” в памяти читателей морской сюжет первого кузминского цикла “Стихи об Италии”, трактуемый как путь к духовному спасению, возможному лишь через единение “обреченного” христоролюбивого воинства. В результате, происходит своеобразное “смыкание” первого и второго циклов, дающее возможность их “кольцевого” прочтения [1].

Литература

1. Константинова С. Л. “Итальянский текст” русской литературы XIX–XX вв. / С. Л. Константинова. – Псков : ПГПУ, 2005.
2. Кузмин М. Избранные произведения / М. Кузмин. – Л., 1990.
3. Лавров А. “Милые старые миры и грядущий век” : штрихи к портрету М. Кузмина / А. Лавров, Р. Тименчик // Кузмин М. Избранные произведения. – Л., 1990.

4. Марков В. Поэзия Михаила Кузмина / В. Марков // М. А. Кузмин. Собрание стихов III. – Wilhelm Fink Verlag, Munchen, 1977.
5. Топоров В. Н. О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Миф, ритуал, символ, образ : исследование в области мифопоэтического : избранное. – М., 1995.
6. Тимофеев А. Г. Итальянское путешествие Михаила Кузмина : памятники культуры : новые открытия : ежегодник 1992 / А. Г. Тимофеев. – Москва, 1993.
7. Magdalena Medarić Аромат Рима : заметки на полях “итальянского текста” Михаила Кузмина // Toronto Slavic Quarterly. – № 21. – 2007.

Аннотация

Статья суммирует факты о жизни Михаила Кузмина в Италии и его произведениях, посвященных этой стране. Автор статьи анализирует значение образа корабля и мотива морского плавания в поэзии Кузмина и приходит к выводу, что морские мотивы в его поэзии связаны с христианскими символами, а образ корабля часто обозначает образ церкви.

Ключевые слова: автобиографическая проза, мотив морского плавания, образ корабля, библейский сюжет, христианский символ.

Анотація

Стаття підсумовує факти життя Михайла Кузміна в Італії та його творих, присвячених цій країні. Автор статті аналізує значення образу корабля й мотиву морського плавання в поезії Кузміна і приходять до висновку, що морські мотиви у його поезії пов'язані з християнськими символами, а образ корабля часто означає образ церкви.

Ключові слова: автобіографічна проза, мотив морського плавання, образ корабля, біблійний сюжет, християнський символ.

Summary

The article summarizes the facts about the Kuzmin's life in Italy and his works of literature dedicated to this country. The author of the article analyzes the meaning of using the image of the ship and the motive of the sea voyage in Kuzmin's poetry and comes to the conclusion that the sea images are connected with the Christian symbols in and the image of the ship is often expresses the image of the church in his poetry.

Keywords: autobiographic prose, motive of the sea voyage, image of the ship, biblical subject, Christian symbol.

УДК 82'0.82–9

Шестакова Э.Г.,
доктор филологических наук,
(Донецк)

ДИАЛОГ ДУШИ И МОРЯ В МИРЕ И.А. БУНИНА

*Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль, –
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.*

В. Брюсов. У моря (1902)

Пожалуй, трудно в современном состоянии культуры найти тему, кроме Любви и Смерти, одновременно и вечно величественную и вечно тривиальную,